

парадигму, мы получаем возможность говорить не только и не столько о том, как объективная реальность определяет наши действия, но прежде всего, о том, как агенты политического поля изменяют своими действиями (символическими, в том числе) "объективную" реальность и тем самым изменяют условия своего политического действия. Политическое действие можно определить как ориентацию на предполагаемый смысл действия другого человека. А значит "реальность", в том числе и политическая, есть общее определение ситуации, достигающееся посредством коммуникации, и принимаемое большинством участников политического процесса. Так можно понять и известный афоризм У. Томаса, который цитируется в работе "Интеракция. Идентификация. Презентация" Х. Абельса: "Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям" [1, 49]. Люди совершают действия, вступают в политическую игру не потому, что они ведут себя функционально по отношению к структурным условиям, а потому, что они придают этим условиям значения и тем самым создают, конструируют эти условия. Субъект политического действует, рассматривая себя в качестве предмета, на который направлено его действие. Значит, он выбирает, упорядочивает и структурирует вещи, наделяя их определённым значением. Отсюда можно сделать и такой вывод: внутренняя коммуникация любого участника политической игры является реакцией на внутреннюю коммуникацию любого другого участника. Результатом взаимного учёта значения вещей, которые участники взаимодействия демонстрируют друг другу, является общее символическое определение ситуации, а "общество представляет собой непрерывный процесс взаимного согласования действий своих членов" [1, 53].

Для символического интеракционизма не существует никаких иных "миров", кроме миров (или пространств), какими люди конструируют их для себя и для друг друга. Значение политичес-

кого пространства заложено не в самом мире политического, а в его определениях, которые действующие люди постоянно и взаимно демонстрируют друг другу, сами объекты являются продуктами действий субъектов политического пространства. С точки зрения символического интеракционизма совместная (политическая) жизнь людей представляет собой процесс, в котором значение объектов создаётся, подтверждается, изменяется и отрицается, — именно так мы будем понимать термин "конструирование", несколько технократический по форме, но абсолютно гуманистический по содержанию.

Конечно, нельзя отрицать и значение "прямого" воздействия институтов политических, таких, как государство и власть, на политическую реальность, — но можно и государство рассматривать не как Левиафана, с центром в Кремле или на Грушевского, но как открытые структуры значений, сосредоточие не только материальных, но и символических ресурсов, ансамбль властеотношений, интерпретирующих реальность. Современное государство, посредством демократических процедур, становится участником диалога, даже его инициатором, играет ведущую роль в конструировании моделей политического, социального и экономического развития.

В своей работе "Философский спор вокруг идеи демократии" Хабермас разделяет власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административную применяемую власть: "в деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой — такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями" [2, 50]. Такая картина теоретической реальности политологии предполагает объяснение предпосылок индиви-

дуального политического действия. "Откуда у агента в сознании появляется представление о политической реальности?" Этот вопрос затрагивает отдельную область политического знания — политическую идеологию и культуру. И если раньше политологи акцентировали своё внимание исключительно на политической системе, то мы сейчас попытаемся открыть для анализа область, которую Ю. Хабермас (вслед за феноменологами Э. Гуссерлем и А. Шюцем) определяет как "жизненный мир" в интервью Х.-П. Крюгеру "Производительная сила коммуникации", которое опубликовано в сборнике Института философии РАН "Демократия. Разум. Нравственность" в 1995 году. Излагая позицию Хабермаса по этому вопросу, А. Денежкин пишет: "Нестабильный консенсус, достигаемый в ходе коммуникативной социализации, всегда покоится на массивном фундаменте "фонового" консенсуса, составляющего "ткань" каждого особенного жизненного мира. Жизненный мир представляет собой горизонт не критических убеждений, разделяемых членами определённого сообщества. Они имеют структуру образцов — образцов интерпретации, лояльного поведения, личностных структур" [2, 200]. В развитие этого сюжета, достаточно нового для политической науки, приведём рассуждения Х. Абельса о феноменологической позиции в отношении "жизненного мира": "Социальный опыт возникает вместе с новой ситуацией, в которой человек вспоминает первое переживание. Опыт есть воплощение совокупности всего "рефлексивного использования" собственного Я в его текущих переживаниях. Путём установления связи с другим опытом наш опыт не только накапливается, но и обобщается. Лишь так он приобретает смысл. Основываясь на вышеупомянутом тезисе о том, что опыт является рефлексивным применением Я к текущим переживаниям, А. Шюц уточняет понятие подразумеваемого смысла у Макса Вебера: "Подразумеваемый смысл переживания является не чем иным, как самоистолкованием пе-

реживания о новом переживании". Поэтому он называет смысл отношением. Смысл означает, что между двумя единицами опыта (феноменами) возникает связь, которая имеет значение для обеих. Тем самым смысл означает нечто, лежащее вне самих феноменов. Анализ процесса конституирования реальности в нашем сознании говорит о том, что оно, как минимум, с момента первого сравнения нашего опыта с предшествующим уже является процессом социального конституирования реальности... Вышеописанный процесс ни в коем случае не происходит сознательно в том смысле, что в каждый момент времени человек сознаёт, как он упорядочивает свою реальность. Тем не менее, социальный порядок возникает не случайно, а систематическим образом. Социальный порядок есть процесс, в котором прежний опыт сравнивается с новым и соединяется с ним в свободной от противоречий "теории" [1, 78]. Теории "жизненного мира", повседневные теории защищают человека от всяких сомнений, и являются, по сути, конструкцией, благодаря которой мы упорядочиваем окружающую действительность.

В результате мы можем прийти к следующим выводам:

1. Политическая коммуникация предполагает наличие у субъектов определённого знания о политической реальности. Это знание носит символический характер, и является основой коммуникации как отношения по поводу распределения властных ресурсов.

2. Структурирование жизненного мира, являющегося основой коммуникативного процесса, происходит посредством политических институтов и действий агентов политического.

3. Цель феноменологического анализа политических явлений заключается в исследовании того, как человек шаг за шагом организует политическую реальность. Созданные в результате исторического развития действий агентов, политические конструкции оказывают на своих создателей прямое воздействие. Но также верно (и наука о политике обязана с этим считаться), что мы действуем

в своєм життєвому світі, який сам по собі дає рамки нашій думці і дії. В цій зв'язі можна нагадати про освітню функцію політології: відкриває владу ідеології, в широкому сенсі цього слова, як принципові установки "життєвого світу", без яких неможливо існування будь-якої політичної системи, в тому числі тоталітарної і неідеологічної, політолог допомагає людині орієнтуватися в світі політичному, а значить, і успішніше діяти в повсякденному житті.

Політична реальність, як ми її сприймаємо, виходячи з своєї соці-

альної позиції, є для нас подвійною політичною реальністю. Соціальне знання, з допомогою якого ми систематизуємо політичну реальність, є самою собою знанням, безпосередньо пов'язаним з соціальною позицією. Воно є знанням, яке вже закладено в існуючих соціальних відносинах комунікації.

Література

1. Х. Абельс. *Інтеракція, ідентифікація, презентація*. СПб. — 1999. — 272 с.
2. Ю. Хабермас. *Демократія. Розум. Нравственисть*. М. — 1995. — 245 с.

Д. В. Яковлев

Одеський національний університет,
Інститут соціальних наук, кафедра політології,
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

СОЦІОЛОГІЧНІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ПОЛІТИЧНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

РЕЗЮМЕ

У ситуації, коли цінності і норми комуністичної епохи втратили свою значущість, на зміну монополії КПРС в галузі ідеології прийшла багатопартійна політична система, а теорія марксизму-ленінізму не є єдиною правильною (у посткомуністичний період), розуміння і пояснення дій політичних агентів — одне з основних завдань політології. Звернення до теоретичних концепцій символічного інтеракціонізму та феноменологічної школи соціології дозволить відкрити для політологічного аналізу сферу повсякденних комунікацій, де структуруються символи, цінності і норми політичної реальності. Саме повсякденний світ є основоположником феноменологічної школи соціології А. Шюц називав "вищою реальністю", а теоретики демократії оголошують повсякденність "плавильним котлом демократії".

Ключові слова: інтеракція, політична реальність, комунікація, феноменологія.